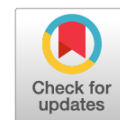

Идеологические клише и мифы как инструмент внешней политики США

Якунин В.И.,

доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: viy@polit.msu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу мифов и идеологических клише как основополагающих элементов внешней политики США. Автор подчеркивает необходимость изучения дискурсов, формируемых политическими элитами вокруг основных проблем и направлений внешней политики государства. При этом в статье предпринимается попытка интегрировать достижения западной и отечественной политической науки по вопросам изучения идеологических клише и мифов. Особое внимание уделяется роли мифов и идеологических клише в легитимации внешнеполитических действий правительства в глазах электората. Автор последовательно показывает историю формирования основополагающих внешнеполитических мифов и клише в США, их использование в годы холодной войны и после нее. Статья содержит подробный анализ концепции американской исключительности, а также вытекающих из нее внешнеполитических установок. В заключении делается вывод о том, насколько мир адаптировался к такому методу ведения внешней политики со стороны государства-гегемона и какие способы противодействия ей он использует.

Ключевые слова: мифы, идеологические клише, дискурс, внешняя политика, американская исключительность, универсальные ценности, США.

Введение

Сегодня принято считать, что инструменты осуществления внешней политики государства соответствуют двум типам силы — жесткой и мягкой¹. Первая является традиционным способом подчинения интересов одной страны интересам другой — посредством различных форм давления, включая экономические санкции и открытое применение вооруженных сил. В то же время государство может осуществлять внешнюю политику не только опираясь на традиционные методы воздействия, но и путем создания привлекательного образа своей социальной и политической системы, своих ценностей и своей культуры, признание правильности которых вынуждает иные государства серьезно корректировать свою внешнюю или внутреннюю политику. Такова суть концепции «мягкой» силы, выдвинутой не так давно американским исследователем Дж. Наем², которая в перспективе должна была занять место «жесткой» силы как основного инструмента внешней политики.

Однако анализ современных международных отношений показывает, что государства не только не отказываются от «жесткой» силы, но и умело приспособили концепцию «мягкой» силы к традиционным формам ведения внешней политики. Вспомним слова Э. Басевича о «браке американской силы с американскими ценностями»³. Действительно, в современной системе международных отношений,

¹ См.: Вершинин А.А., Корольков А.В. Силовые поля современной мировой политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 57-75.

² Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 5.

³ Bacevich A.J. Present at the Re-Creation. A Neoconservative Moves On // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. № 4. P. 125-131.

для которой, по справедливому утверждению А. Д. Богатурова, свойственен режим «плюралистической однополярности»⁴, США успешно сочетает и «жесткую» (военные интервенции в Афганистан или Ирак), и «мягкую» (поддержка широкой сети так называемых «агентов влияния» по всему миру⁵) силы.

Американскому способу осуществления внешней политики посвящено большое количество серьезных отечественных и зарубежных научных исследований, количество которых возрастает с каждым годом. В то же время зачастую их авторы делают акцент на конкретных внешнеполитических акциях, упуская из виду один важный момент, — легитимацию таких действий политической элитой США в глазах собственного населения. При этом речь идет не о формальной легитимации (например, о соблюдении с точки зрения американского национального права процедуры использования вооруженных сил за рубежом или правомерности тех или иных действий американского правительства по международному праву), а о ее содержательном наполнении.

Таким образом, в настоящем небольшом исследовании предлагается рассмотреть те основные установки модели легитимации внешней политики, благодаря которым американской политической элите удается «порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются наиболее подходящими для общества» (определение легитимности известного С.М. Липсета)⁶. Как правило, такие установки не являются сухими, непонятными электорату утверждениями, которые мы встречаем в различных концептуальных документах (например, стратегии внешней политики или концепции национальной безопасности), а облекаются в форму мифа или идеологического клише, что делает их привлекательными для широких масс населения.

Благодаря мифам и идеологическим клише политикам удается формировать особые дискурсы вокруг тех или иных проблем мировой политики, которые позволяют государствам действовать на международной арене исходя из этических или нравственных соображений, а не в соответствии с нормами международного права. Вспомним, к примеру, такие популярные сегодня концепции, как «государство-изгой» или «гуманитарная

интервенция», в рамках которых постулируется идея о праве одних государств определять судьбу других на основании таких двусмысленных формулировок, как «недемократичность режима» или «нарушение прав человека».

Здесь, однако, необходимо сделать одно важное уточнение. Исследования дискурсов, создаваемых политической элитой, а в нашем случае — представителями американского истеблишмента, вокруг тех или иных проблем мировой политики, зачастую вызывают ряд критических замечаний. В первую очередь они касаются обвинений таких исследований в излишней идеологизированности. Данные суждения представляются обоснованными лишь в отношении научно-популярных и публицистических текстов и не могут быть отнесены к серьезным научным исследованиям. Возьмем, к примеру, набирающее популярность в западной теории международных отношений направление, известное как критическая геополитика⁷. Его представители предлагают рассматривать не само влияние географических условий на внешнюю политику того или иного государства, а дискурсы, формируемые вокруг тех или иных территорий. При этом такие территории могут стать предметом оживленной полемики между политическими элитами ряда государств. Однако наличие такой полемики, подкрепленной большим количеством эмоциональных суждений, идеологий, мифов и клише, не закрывает для исследователей путь к изучению дискурсов вокруг определенных территорий спорящих или конфликтующих государств. Кроме того, отметим, что и приведенные выше концепции «государства-изгой» или «гуманитарной интервенции» являются предметом серьезных исследований, в том числе и в отечественной науке⁸.

Итак, предметом настоящего исследования станут те основополагающие мифы и идеологические клише, благодаря которым американская политическая элита легитимирует свою внешнюю политику. Иными словами, речь пойдет о механизмах воздействия на массовое сознание. Как известно, общепринятой и разумной с точки зрения общественного мнения можно сделать

⁷ См., например: Ó Tuathail G. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

⁸ См.: Харкевич М.В. Государства-изгой и международное сообщество // *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. Монография* / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО, 2011. С. 48-64; Мелков Г.М. Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) // *Московский журнал международного права*. 2000. № 4. С. 177-189; Сиякин И.И. Правомерность гуманитарной интервенции: современные международно-правовые аспекты // *Евразийский юридический журнал*. 2012. № 10(53). С. 50—58.

⁴ Богатуров А.Д., Аверков В.В. *История международных отношений*. 1945-2008. М.: Аспект-пресс, 2010. С. 12.

⁵ См.: Молчаков Н.Ю. Некоммерческие организации как символ современного гражданского общества // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2016. № 3. С. 33-49.

⁶ См.: Lipset S.M. *Political man: the social basis of politics*. New York: Doubleday, 1960. P. 77-83.

любую норму, даже такую, которая с точки зрения обыкновенной логики кажется абсурдной. Дискурсы, формируемые вокруг применения «жесткой» или «мягкой» силы, выглядят настолько привлекательными и убедительными, что снимают все вопросы относительно самого факта применения силы. Таким образом, искусное воздействие на массовое сознание может за короткий срок любую идею превратить в норму. Именно этим искусством и обладала американская политическая элита с самого зарождения американской государственности.

«Мифологизация» внешней политики США: истоки

Мифы и идеологические клише стали неотъемлемым атрибутом внешней политики США. При этом такой способ ведения внешней политики возник еще задолго до холодной войны — в ходе создания американского государства. Идеализация самих себя и собственных политических институтов — вот что отличало образованное в конце XVIII в. государство. Девизом такого самопозиционирования могут без преувеличения стать слова Дж. Винтропа, первого губернатора колонии Массачусетса, о «сияющем граде на Холме», которые затем неоднократно повторялись американским истеблишментом. Вспомним, как, обращаясь с прощальной речью к американскому народу в январе 1989 г., уходящий в отставку президент Р. Рейган заявил: «Всю свою политическую жизнь я говорил о «сияющем граде на холме», но не знаю, насколько ясно я выразил то, что мне виделось. Моему сознанию представлялся гордо стоящий город, воздвигнутый высоко в скалистых горах, более могучих, чем океаны, продуваемый ветрами, благословенный Господом, населенный множеством самых разных людей, живущих в гармонии и мире, город со свободными портами, где бурлят торговля и созидание. Если в таком городе и существуют городские стены, то они должны иметь врата, открытые для всех стремящихся сердцем и душой поселиться в нем. Вот именно так я всю жизнь и видел этот город и продолжаю видеть его до сих пор»⁹. Создателем же «сияющего града на холме» является Бог. Не зря отцы-основатели, в частности, Т. Джефферсон, считали американцев «народом, избранным Богом»¹⁰.

⁹ Reagan R. Farewell Address to the Nation // The American Presidency Project. January 11, 1989 // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29650presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29650>.

¹⁰ Salah Oueslati. U.S. Foreign Policy and the Complex

Кроме этого, в конце XVIII в. — первой половине XIX в. стал формироваться и миф о непобедимости США. В 1837 г. будущий президент США А. Линкольн даже заявил: «Даже объединенные армии Европы, Азии и Африки, имеющие в войсковой казне... все богатства земли, под командованием Бонапарта, могут биться тысячу лет, но не смогут силой ни получить глотка воды из Огайо, ни взойти на Голубой хребет». Очевидно, что эти мифы — богоизбранность и непобедимость — проходят через всю историю американской внешней политики.

Характеризуя начальный период американской истории, М. ван Кревельд справедливо отмечает, что уже первые американцы верили, что «своим примером они могли даже вдохновить другие народы; в конце концов, лучший способ подтвердить собственную правоту — увидеть, как за тобой следуют другие»¹¹. При этом подтверждать собственную правоту американцы намеревались не только на словах, но и на деле, используя и вооруженные силы. Первой жертвой такой политики «вдохновения», как известно, стали индейцы, вокруг которых создали миф о «невежественных, упрямых и диких людях», которые должны «отказаться от того, что по праву должно принадлежать цивилизованным людям». Речь здесь шла о праве собственности на землю.

Важнейшее место в создании мифов американской внешней политики в первые пятьдесят лет существования нового государства заняла доктрина Монро, согласно которой сильнейшим государством западного полушария признавались США. Из этого следовал и тот факт, что европейские государства более не могут распространять свои геополитические интересы (в первую очередь путем создания новых колоний) на эту часть света. Иными словами, США провозгласили себя «защитником свободных наций в Северной и Южной Америке». Благодаря доктрине Монро утвердилось право США быть гегемоном в международных делах, хотя только в рамках одного полушария, а также право США выступать защитником свободы. Однако пройдет не более ста лет — и США заявят о своем праве на роль гегемона в масштабах всей мировой политики, а также единственного защитника свободы и демократии во всем мире. Нельзя не привести в этом контексте два высказывания президента В. Вильсона. Первое из них датируется 1914 годом, второе — 1919. Тогда, в начале Первой мировой войны американский президент

Factors in the Decision-Making Process // Society. 2014. Vol. 51. № 5. P. 472.

¹¹ Кревельд ван М. Американская загадка. М.: Социум, ИРИСЭН, 2016. С. 344.

выразил надежду, что европейский конфликт даст Америке «бесценную привилегию исполнить свое предназначение и спасти этот мир»¹². По окончании же войны Вильсон заявил: «в рамках Лиги наций доктрина Монро должна стать доктриной всего мирового порядка»¹³. Очевидно, что после окончания холодной войны и краха СССР США в мире, как, собственно, и в ООН, заняли именно ту роль, которой их предлагал наделить В. Вильсон в 1919 г.

Озвученные В. Вильсоном предложения о роли США как гегемона в мировой политике не были чем-то новым для американской политической элиты того времени. Первым из идейных вдохновителей такого видения роли США в мировой политике стал сенатор от штата Индиана Альберт Беверидж, метафорично заявивший, что «американский закон, американская цивилизация и американский флаг утвердятся на землях, прежде кровавых и мрачных, которые с Божьей помощью станут прекрасными и светлыми»¹⁴. Вторил ему и предшественник Вильсона в Белом доме Теодор Рузвельт: «Долг Америки перед народами, пребывающими в варварстве, состоит в том, чтобы помочь им сбросить эти тяжкие цепи, но освободить их можно, только разрушив само варварство»¹⁵.

Борьба за признание исключительности всего, что связано с Америкой, проходит через всю историю внешней политики США XX в. И речь здесь идет не только об использовании данного клише в контексте холодной войны, о чем мы поговорим ниже, но и о постоянном убеждении потенциальных союзников в том, что все действия США правильны и не могут подвергаться какой-либо критике. Вспомним, к примеру, те усилия, которые США затратили на масштабную кампанию борьбы с антиамериканизмом в Европе и мире. Здесь, однако, важно указать, что достаточно часто за политическими заявлениями или политическим давлением скрывалось еще и стремление к «глобализации по-американски», т.е. осуществлению программы действий по признанию американских ценностей и образа жизни единственно верными. При этом уже сегодня можно констатировать факт, что в основе «глобализации по-американски» лежит политика подрыва

традиционных ценностей в целях формирования нового типа реально «информационного общества», когда семья, коллективизм, любовь, сострадание — подменяются сугубо рыночными консьюмеристскими суррогатами. Налицо парадокс: страна, основанная на христианских ценностях (а семья, любовь, сострадание являются таковыми), чем, собственно, и свойственно гордиться американцам, пытается перестроить мир путем распространения совсем иных ценностей. Не в этом ли кроется причина того раскола в американском обществе, который не так давно привел в президентское кресло Д. Трампа? Но об этом мы скажем ниже, а сейчас вернемся в историю и рассмотрим то, как идея американской исключительности интерпретировалась в годы холодной войны.

Клише об американской исключительности в контексте холодной войны

Перечисленные выше мифы и идеологические клише легли в основу того катехизиса, который был сформулирован американскими элитами на заре холодной войны. Собственно, американцам даже не нужен был оппонент: СССР просто выглядел как субъект, наиболее подходящий на роль коллективного «плохого парня». Американский исследователь К. Лейн отмечает: «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»¹⁶.

Иными словами, был нужен образ врага, и он был найден. Составной частью холодной войны являлось идеологическое соперничество. Обе противоборствующие державы стремились доказать правильность своего общественного строя, дискредитируя друг друга. При этом, как отмечает российский исследователь М.Ф. Польшов, «объектами идеологического воздействия в условиях холодной войны являются не только граждане стран, которые эту войну ведут, но и граждане всего мира, поскольку между США и СССР, олицетворявшими две противоположные общественные системы, две противоположные модели развития, шла борьба за освободившиеся страны и привлечение их на свою сторону»¹⁷.

¹² Цит. по: Кревельд ван М. Указ. соч. С. 355.

¹³ Quinn A. U.S. Foreign Policy in Context, National Ideology from W. Bush broad authority to use all necessary and appropriate the Founders to the Bush Doctrine. London, New York: Routledge, 2010. P. 94.

¹⁴ Цит. по: Malone D. The New Nation. 1841-1877. New York: Appleton-Century Crofts, 1960. P. 205.

¹⁵ Цит. по: Кревельд ван М. Указ. соч. С. 355.

¹⁶ Цит. по: Уткин А.И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. С. 130-131.

¹⁷ Польшов М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Тerra

Фобии или страхи перед СССР приходилось постоянно поддерживать на протяжении всей холодной войны. Такой образ Советского Союза стал создаваться практически сразу после окончания Второй мировой войны. Об этом красноречиво свидетельствует выступление Г. Трумэна в июне 1948 г. перед 55 тыс. слушателей в городе Беркли: «Великие проблемы мира иногда изображают как спор исключительно между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это не так... Мы не ведем холодную войну... Противоречия существуют между Советским Союзом и остальным миром».

Доктрина Трумэна, которая, по сути, выражала основную позицию США как участника холодной войны, сводилась к тому, что мир разделен между «двумя образами жизни»: один основывается «на воле большинства и отличается свободными институтами, ответственным правительством, свободными выборами, гарантиями личной свободы, свободой слова и вероисповедования, а также свободой от политических преследований», второй — «на воле меньшинства... и предполагает террор и принуждения, контролируруемую прессу и радио, безальтернативные выборы и подавление личных свобод». Очевидно, что в первом случае речь идет о США, а во втором — об СССР, который в самом конце холодной войны Р. Рейган лаконично назовет «империей зла».

В идеологическом соперничестве Западу, ведомому США, удалось победить. Их глобальная повестка, основанная на признании своих ценностей универсальными, а своей системы правления эталоном для других народов, оказалась более привлекательной, чем советский проект с его стремлением создания альтернативной системы ценностей. Таким образом, успеху в идеологическом противостоянии между США и СССР способствовал старый миф американской внешней политики — идея исключительности американских ценностей, образа правления, законов и т.д.

Миф об исключительности как раз и открыл для США возможность навязывать свое понимание правильного другим государствам. «США, — пишет цитируемый выше М. ван Кревельд, — всегда считали себя участниками некоего “крестового похода” — именно так назвал свои мемуары величайший в истории США и в некотором смысле самый типичный из американских крестоносцев генерал Д. Эйзенхауэр»¹⁸. Яркой иллюстрацией служит и Стратегия национальной безопасности США 2002 г.: американцы несут миру «ценности, истинные

и верные для каждого человека в каждом обществе... во всем мире и во все времена». Во имя этих целей, как указывает американский историк У. Блум, в период после Второй мировой войны США 1) попытались свергнуть более 50 иностранных правительств, большая часть из которых была демократически избрана; 2) осуществляли бомбардировки территорий более чем 30 стран; 3) пытались физически устранить глав государств и лидеров более чем 50 стран; 4) пытались подавить народные выступления и движения протеста в 20 странах; 5) открыто вмешались в процесс демократических выборов по меньшей мере в 30 странах.

Подытоживая этот список внешнеполитических «деяний и инициатив» США, У. Блум отметил, что он «поистине является исключительным. Ни одна страна в мире за всю свою историю и близко не подошла к таким показателям»¹⁹. В этом контексте нельзя не привести слова публициста Г. Люса, датированные 1941 г.: «Мы воюем не для защиты территории Америки... это не вопрос необходимости и выживания. Это вопрос выбора или расчета»²⁰. Несмотря на то что эти слова были произнесены накануне Второй мировой войны, они ярко иллюстрируют дальнейшее участие США в войнах, которые во времена холодной войны дипломатично стали называть локальными конфликтами, в том числе и интервенции США в Афганистан и Ирак.

Используя клише, американцы, не стесняясь, камуфлируют собственные национальные интересы. В этом смысле нельзя не упомянуть о так называемой доктрине Киркпатрик. Речь идет о подходе к выстраиванию внешней политики, который в годы президентства Рейгана озвучила представитель США при ООН Дж. Киркпатрик. Президент Дж. Картер, идеалист, пытавшийся в своей политике всерьез следовать романтической компоненте американской идеологии, утверждал, что помощь со стороны США могут получать только страны с демократическим режимом правления. Киркпатрик ввела разделение демократических стран на авторитарные и тоталитарные. В число тоталитарных зачислялись СССР и его союзники, а в число авторитарных — все остальные. Авторитарным режимам военная и экономическая помощь могла и должна была оказываться²¹.

¹⁹ Blum W. American Exceptionalism and US Foreign Policy // *Foreign Policy Journal*. September 19, 2014 // <http://www.foreignpolicyjournal.com/2014/09/19/american-exceptionalism-and-us-foreign-policy>.

²⁰ Luce H.R. The American Century // <http://www.worldcat.org/title/american-century/oclc/560997288>.

²¹ Согрин В.В. Американская империя как исторический

Humana). 2008. № 3(8). С. 50.

¹⁸ Кревельд ван М. Указ. соч. С. 355.

Идеологические клише в американской политике на современном этапе

Важнейшей установкой американского внешнеполитического дискурса после 1991 г. была идея того, что в холодной войне не было победителей и побежденных. Речь шла, на самом деле, о тонком подлоге. Американская администрация хорошо понимала, что представление 1991 г. как чистой победы Америки над Россией в прямом силовом противостоянии лишь уменьшит плоды этой победы. Такой подход заставит американцев сойти со своего блестящего пьедестала морального гегемона и лишит их основания претендовать на глобальное доминирование по праву первопроходцев мировой цивилизации. Победа в войне — это всего лишь победа более сильного. США хотели казаться не просто более сильными, а избранными для великой всемирной миссии. Более подходящей здесь была позиция мудрого учителя, доказавшего ученику его фундаментальное заблуждение. Именно это имел в виду Р. Рейган, когда в разговорах с соратниками заявлял: «Пусть не будет разговора о победителях и проигравших. Даже если мы будем считать, что одержали победу, сказать это — отбросить нас назад»²².

В том же духе в своем обращении к нации 25.12.1991, комментируя ликвидацию СССР, высказался Дж. Буш-старший: «Это победа демократии и свободы. Это победа нашей моральной силы и наших ценностей». Однако он не мог удержаться от «национализации» победы в холодной войне: «Каждый американец может гордиться этой победой, начиная с тех миллионов мужчин и женщин, которые служили нашей стране в униформе, и заканчивая теми американцами, которые поддерживали свою страну и курс на ее мощную оборону в правление девяти президентов»²³. Все это выглядело как прикрытие фактического торжества победителей. В качестве главного итога холодной войны США навязывали всему миру тезис о главенстве западной цивилизации в ее американском варианте. В 1992 г. в ходе президентской кампании в Соединенных Штатах об этом говорили оба основных кандидата. Американцы практически мгновенно идентифицировали себя

как единственную сверхдержаву, а для объяснения причины краха СССР было изобретено новое клише: советы исповедовали «неправильные» ценности, что помешало им конкурировать в глобальном мире.

Однако это объяснение выглядело несколько антиисторичным. Еще недавно американские эксперты высказывались о перспективах советской системы иначе. Немногочисленные аналитики, предсказывавшие крах советского лагеря, как правило, воспринимались как алармисты. Вышедшая в 1965 г. работа французского исследователя М. Гардера «Агония режима в Советской России» была воспринята ученым сообществом весьма скептически. Самые непримиримые оппоненты советского строя склонялись к мысли о том, что его существование гарантировано, по крайней мере, на несколько поколений. В 1976 г. З. Бжезинский написал: «Социальные изменения (в СССР) чрезвычайно медленно отражаются на политической системе. Они начнут значительно влиять на нее по меньшей мере через несколько поколений»²⁴. Если брать за расчетную единицу активную жизнь одного поколения в 25 лет, то нетрудно посчитать, что Бжезинский отводил СССР еще как минимум 50 лет существования.

То, что произошло в 1985—1991 гг., сначала расценивалось американцами осторожно, затем с оптимизмом и, наконец, с ликованием. Противник США в холодной войне рухнул настолько быстро и внезапно, что это казалось труднообъяснимым. Западный истеблишмент, еще недавно холодно-рационально оценивавший баланс сил в противостоянии с советским блоком, решил, что все объясняется некими предзаданными обстоятельствами, которые изначально работали на США и их союзников. В этой связи перед американцами возник двойной вызов. Во-первых, прежний миропорядок, основанный на конкуренции двух держав, исчез, и необходимо создавать основы новой глобальной системы. Во-вторых, США по праву победителя принадлежит основная роль в построении нового порядка.

Как сегодня можно точно сказать, причины распада СССР не имели никакого отношения к «правильным» и «неправильным» ценностям. Речь шла о сложном процессе, вызревавшем на протяжении десятилетий, в ходе которого ничего не было predetermined. Субъективный фактор в виде ошибок советского руководства, его недалекости сыграл гораздо большую роль, чем те объективные трудности,

и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 104.

²² Мэтлок Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону — и как вернуться в реальность. М.: Международные отношения, 2011. С. 65.

²³ Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation // <http://www.nytimes.com/1991/12/26/world/end-soviet-union-text-bush-s-address-nation-gorbachev-s-resignation.html>.

²⁴ Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past // The Dynamics of Soviet Politics / Ed. by P. Cocks, R. V. Daniels, N. W. Heer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 351.

с которыми сталкивался на данном этапе советский проект. Однако ни времени, ни желания погружаться в перипетии современной истории Советского Союза, для того чтобы разобраться в предпосылках своей нечаянной победы, у американцев не было. Они моментально соорудили вокруг своей победы в холодной войне новую иллюзию, вернее, вписали эту победу в старые объяснительные модели об американской исключительности. Однако если до сих пор все это уравнивалось противоположным международным полюсом, который неизменно возвращал жителей «града на холме» с небес на землю, то после 1991 г. в заложниках американских фантазий оказался весь мир.

В воображаемый американский лучший мир, который, правда, пока не был построен, но обязательно должен был возникнуть в будущем, должны были войти все страны остального мира. У. Клинтон действовал сообразно известной вильсоновской максиме: «Наши интересы должны далеко простираются, поскольку мы по сути своей альтруисты; другие нации должны уважать это и ни в чем не препятствовать нам»²⁵. В результате Pax Americana окреп как никогда. Под руководством США он добился переустройства Югославии по собственным чертежам, утвердил гегемонию в Европе, претендовал на верховенство в создании удобного миропорядка в иных регионах, в первую очередь на Ближнем Востоке. Выявилась тенденция вольной, подчиненной интересам США трактовки решений ООН и нередко наведения «порядка» исключительно по собственному усмотрению в тех или иных регионах и странах мира. Уже упомянутые нами клише «гуманитарная интервенция», «расширение демократии», «страны-изгои», «незаменимое государство» (та характеристика Соединенных Штатов, которую так часто озвучивал Б. Обама) не только вводились в международный политический лексикон, но все более активно использовались для оправдания внешнеполитической практики.

Гегемонистская стратегия Клинтона и демократов была воспринята Дж. Бушем-младшим и Республиканской партией, пришедшими к власти в 2004 г. Их внешнеполитическая стратегия отличалась от клинтоновской более откровенным мессианизмом и агрессивностью. Ее авторов часто называют вторым поколением неоконсерваторов, которое было убеждено, что американская демократическая империя (слово «империя», правда, не использовалось), этот второй Рим, вправе без всяких экивоков распоряжаться судьбами человечества. Квинтэссенцией

внешнеполитической программы второго поколения неоконсерваторов стал проект «Новый американский век», целенаправленно навязывавшийся американскому политическому классу, начиная с 1997 г. Речь шла о XXI столетии, которое, согласно неоконсерваторам, должно было стать еще более американским, чем предшествовавший ему XX в.²⁶ После выборов 2000 г. многие авторы проекта «Новый американский век» заняли высокие посты в администрации Дж. Буша — Д. Чейни, Д. Рамсфельд, П. Вулфовиц, Дж. Болтон, З. Халилзад.

Второй призыв неоконсерваторов развил идеологические клише американской внешней политики до абсолюта. Неудивительно, что по законам диалектики они начали переходить в свою противоположность. Не могу не процитировать здесь ярчайший пассаж из текста за авторством К. Райс. Она критиковала администрацию Клинтона за чрезмерное внимание к общечеловеческим ценностям: «Тем самым “национальный интерес” подменяют “гуманитарными интересами” или интересами “международного сообщества”... Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы сделать что-то во благо всего человечества, но это должно быть в определенном смысле побочным эффектом. Ведь если Америка действует, руководствуясь своими национальными интересами, то это само по себе способствует укреплению свободы, рыночной экономики и мира во всем мире. Наша страна после Второй мировой войны преследовала свои собственные национальные интересы, но это сделало мир более процветающим и демократичным... Таким образом, многосторонние соглашения и международные институты не следует рассматривать как что-то ценное само по себе. Никто не отрицает, что для Америки полезны прочные союзы и что наша страна может отстаивать свои интересы и в рамках ООН и других международных структур, а также опираясь на хорошо разработанные международные соглашения. Но администрация Клинтона бывает настолько одержима тем, чтобы решать проблемы на многосторонней основе, что подписывает соглашения, противоречащие интересам страны»²⁷.

Речь шла об идеологической догме, гораздо более мощной, чем все то, что за 70 лет своей истории предлагал миру Советский Союз. В советской внешней политике, при всей ее идеологичности, фактор реализма никогда не исчезал. В конце концов, он вышел на первый план, хотя и подвергался серьезным искажениям

²⁵ Цит. по: Oren I. *Our Enemies and US*. Cornell: Cornell University Press, 2002. P. 42.

²⁶ Statement of Principles. June 3, 1997 // <http://www.newamericancentury.org>.

²⁷ Райс К. Во имя национальных интересов // *Pro et Contra*. 2000. № 2. С. 105.

в контексте холодной войны. В США при неокончании реализм оказался практически на вторых ролях. Сложность мира, даже пережившего крах реального социализма, не становилась меньше. Напротив, он все более усложнялся. О своих амбициях в мировом масштабе заявляли страны, до сих пор находившиеся в тени большой политики. Глобальная экономика, вместо того чтобы унифицировать мир, делала его разнообразнее. Но американская внешняя политика отталкивалась от императива младогегельянцев 150-летней давности: «Если реальность не соответствует нашему представлению о ней, то тем хуже для реальности».

С приходом к власти новой администрации Б. Обамы появилась надежда, что США постепенно изменят те исторически сложившиеся основания, на которых строилась внешняя политика предшествующих президентов. Вспомним, например, его слова о «невероятном потенциале улучшения американо-российских отношений» по результатам саммита G-20 в Лондоне (2009 г.). В тот момент казалось, что можно говорить о потенциале улучшения отношений не только с Россией, но и с другими странами, с которыми США имели не самые дружественные, а порой и весьма холодные отношения.

Однако осуществление такого поворота во внешней политике требовало от тогдашней администрации отказа от многих идеологических клише, активно используемых для оправдания вмешательства во внутренние дела других государств. Требовалось изменить мышление политического истеблишмента и признать, что политика навешивания на государства определенных ярлыков, таких как «нарушитель международного права», «злостный нарушитель прав человека», «антидемократический политический режим», контрпродуктивна. В конечном же итоге, следуя такой логике, США были бы вынуждены отказаться от главного мифа своей внешней политики — мифа об американской исключительности и вытекающего из него стремления нести иным странам образцы демократии и свободы.

Первоначальные заявления Б. Обамы внушали оптимизм. Начинало складываться впечатление, что идея исключительности уйдет из внешнеполитического дискурса США. В интервью *Financial Times* (04.04.2009) Обама даже заявил, что несмотря на факт исключительности политического строя США, у него есть стремление «к признанию ценностей и прекрасных качеств других стран, признанию того, что мы не всегда правы в своих действиях, что у других людей могут быть хорошие идеи и что для того, чтобы мы коллективно работали, все стороны должны идти на компромисс, включая и нас». Эту же мысль он повторил и в 2014 г., отметив: «Я верю в американскую исключительность всеми фибрами

своей души. Но то, что делает нас исключительноными, — это не наша способность игнорировать международные нормы и принцип верховенства права, а наше желание следовать им в наших действиях». Очевидно, что для внешней политики США высказанные Обамой устремления казались революционными.

Однако реальный внешнеполитический курс США разошелся с данными воодушевленными заявлениями президента. Интервенция в Ливию вновь возродила известное клише «государство-изгой», поддержка антигосударственных движений в годы арабской весны подтвердила роль США как главного распространителя демократических идей, имеющего право вмешиваться во внутренние дела любого государства²⁸, поддержка антиправительственных выступлений на Украине вновь показала, что США является основным вдохновителем практики «цветных революций»²⁹. На излете его президентского срока риторика Обамы приняла хорошо известные по временам Буша оттенки. В ноябре 2016 г. он с пафосом заявил: «Мы являемся единственной незаменимой нацией на земле»³⁰.

Реанимация имперских доктрин при позднем Обаме имела глубокие основания. Идеологические клише слишком глубоко вошли в американское сознание, и противостоять им означало бы подвергнуть себя остракизму в национальном масштабе. Известный американский кинорежиссер и одновременно тонкий политический комментатор О. Стоун так написал об этом: «Отказ Обамы трубить на весь мир, что США — дар свыше всему человечеству, дал республиканским лидерам (которым прекрасно известно, что 58% американцев считают, будто Бог отвел Америке особую роль в человеческой истории) использовать его взвешенные высказывания для грубых нападок»³¹. Обама не устоял и закончил президентство пленником имперского императива.

Перед нынешним президентом стоит похожий выбор. В ходе президентской кампании

²⁸ Подр. см.: Антюхова Е. А. Стратегия и политика НАТО в конфликтах «арабской весны» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 221-229; Репешко Е. А. Подход НАТО к разрешению ливийского кризиса в событиях «арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1. С. 172-176.

²⁹ Подр. см.: Кулебякин В. Н., Воронин Е. Р., Николаев А. В. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. — международно-правовые оценки и последствия // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 11-28.

³⁰ Obama's humility: «We really are an indispensable nation» // <https://www.rt.com/usa/365445-obama-humility-america-indispensable/>.

³¹ Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2015. С. 740.

Трамп поднял руку на важнейший элемент внешнеполитического курса США — догмат об американской исключительности. Фактически он показал, что отвергает исключительность, в то время как предыдущие президенты считали ее постоянной чертой и неотъемлемой частью американской идентичности. Нынешний избранный президент рассматривает ее как условное состояние. Нация становится «исключительной», захватывая больше богатства и власти, чем другие; это статус, который можно получить за одну минуту и потерять в следующую, и он не предназначен исключительно для Соединенных Штатов. Таким образом, Трамп признает равенство между нациями, которое отрицает американская исключительность. Поэтому неудивительно, что он исключил продвижение демократии за рубежом. По его мнению, Соединенные Штаты являются лишь одним игроком среди многих.

Трамп отвергает американскую исключительность главным образом потому, что она парализует Соединенные Штаты: она мешает стране играть, чтобы победить. Соединенные Штаты выступали в качестве защитника свободного мира, и в силу этого лидеры США возродили старых врагов, таких как Германия и Япония, расточали доллары и войска, создали многосторонние учреждения для обеспечения благосостояния. Все эти действия представляли собой жертвы, сделанные для спекулятивных долгосрочных выгод во всех уголках мира. Но США хотели именно этого, считая, что тем самым реализуют свою великую миссию.

Однако что лежит в основе таких заявлений Трампа? Ведь опыт прошлого президентства показал, что отказ от идеи американской исключительности невозможен — ей свойственно вновь появляться во внешнеполитическом дискурсе США. Предположим, что в случае Обамы упомянутые нами выше заявления есть не что иное, как исключительно имиджевый ход одного из самых молодых президентов в истории США. В случае же с действующим президентом ситуация выглядит несколько иначе — выше мы указали, что в самом американском обществе существует серьезный раскол, используя который Д. Трамп и пришел в Белый дом. Суть его сводится к вопросу, заключенному в названии одноименной книги С. Хантингтона: «Кто мы?»

Риторика Д. Трампа как раз и отражает этот раскол — во внешней политике он пытается сочетать несочетаемые начала: американской исключительности и признания равенства за всеми нациями и государствами. В то же время в политике нового президента просматриваются, с одной стороны, ноты прагматизма (американская внешняя политика немислима

вне идеи исключительности), а с другой — ноты популизма (США есть такое же государство, как все, а роль гегемона идет во вред простым американцам).

Не случайно именно внешнеполитическая программа Трампа стала тем полем, на котором ему дало первый бой американское «внутреннее государство». Можно сказать, что мы наблюдаем борьбу между прагматизмом и популизмом относительно внешнеполитического курса. И надо сказать, что эту борьбу Д. Трамп проигрывает. Риторика пока не поменялась, как у Обамы. Но действия уже видны. Борец против исключительности, уходя от нападок внутри своей страны, готов поджечь большую войну на Дальнем Востоке, восстанавливает против себя Китай и Россию. Америка внутренне неуверенна. Она не может признаться сама себе, что ее идеологические клише полностью выхолощены, и требует, чтобы мир просто перевел стрелки часов на 25 лет назад. Но так не бывает. Чем быстрее американский истеблишмент придет в себя, тем лучше будет для всех.

Заключение

В 1991 г. после окончания холодной войны Америка потребовала от мира признания собственной исключительности и стала вести себя так, как будто мир это признал. Американские ценности были окончательно объявлены универсальными, ведь либерализм полностью доказал свою состоятельность в соперничестве с иными ценностными системами. Вспомним здесь Ф. Фукуяму и его идею «конца истории». Однако здесь необходимо отдать должное мудрости народов: они устояли перед этим напором крупнейшей державы-гегемона. Через эти четверть века они смогли пронести свои фундаментальные ценности, сформированные столетиями. Данная ситуация может порождать у американского истеблишмента чувство нереализованных возможностей. Но стратегическая задача перед мировым сообществом сегодня стоит иная: путем диалога создать не клише, а глубинные основания нового мироустройства. Это будет непросто, но это необходимо, ведь устойчивый мировой порядок можно конструировать, лишь признав многообразие интересов, ценностей и общественных систем образующих его единиц.

Список литературы

1. Антюхова Е. А. Стратегия и политика НАТО в конфликтах «арабской весны» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 221-229.
2. Богатуров А. Д. История международных отношений. 1945-2008 / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. М.: Аспект-пресс, 2010. 520 с.

3. Вершинин А.А. Силовые поля современной мировой политики / А.А. Вершинин, А.В. Корольков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 57—75.
4. Кревельд ван М. Американская загадка. М.: Социум, ИРИСЭН, 2016. 552 с.
5. Кулебякин В.Н. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. — международно-правовые оценки и последствия / В.Н. Кулебякин, Е.Р. Воронин, А.В. Николаев // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 11—28.
6. Мелков Г.М. Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 177—189.
7. Молчаков Н.Ю. Некоммерческие организации как символ современного гражданского общества // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2016. № 3. С. 33—49.
8. Мэтлок Дж. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону — и как вернуться в реальность. М.: Международные отношения, 2011. 384 с.
9. Польшов М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 3(8). С. 36—54.
10. Райс К. Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. № 2. С. 103-120.
11. Репешко Е.А. Подход НАТО к разрешению ливийского кризиса в событиях «арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1. С. 172-176.
12. Синякин И.И. Правомерность гуманитарной интервенции: современные международно-правовые аспекты // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10(53). С. 50—58.
13. Согрин В.В. Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 91—109.
14. Стоун О. Нерассказанная история США / О. Стоун, П. Кузник. М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2015. 928 с.
15. Уткин А.И. Американская империя. М.: Эксмо, 2003. 736 с.
16. Харкевич М.В. Государства-изгои и международное сообщество // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. Монография / Под. ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО, 2011. С. 48-64.
17. Bacevich A. J. Present at the Re-Creation. A Neoconservative Moves On // Foreign Affairs. 2008. № 4. Vol. 87. P. 125-131.
18. Blum W. American Exceptionalism and US Foreign Policy // Foreign Policy Journal. September 19, 2014 // <http://www.foreignpolicyjournal.com/2014/09/19/american-exceptionalism-and-us-foreign-policy>.
19. Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past // The Dynamics of Soviet Politics / Ed. by P. Cocks, R.V. Daniels, N.W. Heer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 337-351.
20. Lipset S.M. Political man: the social basis of politics. New York: Doubleday, 1960. 442 p.
21. Luce H.R. The American Century // <http://www.worldcat.org/title/american-century/oclc/560997288>.
22. Malone D. The New Nation. 1841-1877. New York: Appleton-Century Crofts, 1960. 447 p.
23. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 175 p.
24. Ó Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 328 p.
25. Oren I. Our Enemies and US. Cornell: Cornell University Press, 2002. 250 p.
26. Quinn A. U.S. Foreign Policy in Context, National Ideology from W. Bush broad authority to use all necessary and appropriate the Founders to the Bush Doctrine. London, New York: Routledge, 2010. 240 p.
27. Salah Oueslati. U.S. Foreign Policy and the Complex Factors in the Decision-Making Process // Society. 2014. Vol. 51. № 5. P. 472—481.

Ideological Clichés and Myths as an Instrument of the U.S. Foreign Policy

Yakunin V.I.,

Doctor of Political, Head of the Department of Public Policy,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: viy@polit.msu.ru

Abstract. *The article deals with the analysis of the myths and ideological clichés as the fundamental elements of U.S. foreign policy. The author emphasizes the necessity to study the discourses formed by political elites around the main problems and directions of the state's foreign policy. At the same time, in the article an attempt is made to integrate the achievements of Western and Russian political science related to ideological clichés and myths. Particular attention is paid to the role of myths and ideological clichés in the legitimization of the government's foreign policy actions in the eyes of the electorate. The author shows the history of the formation of the basic myths and clichés of the U.S. foreign policy, their implementation during and after the Cold War. The article contains a detailed analysis of the concept of American exclusivity as well as the foreign policy guidelines that follow from*

it. In conclusion, the author shows how the world has adapted to such an approach for conducting foreign policy by the hegemonic state and what methods it uses to counteract it.

Keywords: *myths, ideological clichés, discourse, foreign policy, American exclusivity, universal values, USA.*

References

1. Antyukhova E.A. Strategiya i politika NATO v konfliktakh «arabskoj vesny» // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2017. № 3. S. 221-229.
2. Bogaturov A.D. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. 1945-2008 / A.D. Bogaturov, V.V. Averkov. M.: Aspekt-press, 2010. 520 s.
3. Vershinin A.A. Silovye polya sovremennoj mirovoj politiki / A.A. Vershinin, A.V. Korolkov // Kontury globalnykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo. 2016. № 4. S. 57-75.
4. Kreveld van M. Amerikanskaya zagadka. M.: Cotsium, IRISEN, 2016. 552 s.
5. Kulebyakin V.N. Gosudarstvennyj perevorot v Kieve v fevrale 2014 g. — mezhdunarodno-pravovye otsenki i posledstviya / V.N. Kulebyakin, E.R. Voronin, A.V. Nikolaev // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2015. № 1. S. 11-28.
6. Melkov G.M. Gumanitarnoe vmeshatelstvo (mezhdunarodno-pravovye aspekty) // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2000. № 4. S. 177-189.
7. Molchakov N.Yu. Nekommercheskie organizatsii kak simvol sovremennogo grazhdanskogo obschestva // Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2016. № 3. S. 33-49.
8. Metlok Dzh. Sverkhderzhavnye illyuzii. Kak mify i lozhnye idei zaveli Ameriku ne v tu storonu — i kak vernutsya v realnost. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. 384 s.
9. Polynov M.F. Kholodnaya vojna kak sposob borby SSHA protiv SSSR // Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2008. № 3(8). S. 36-54.
10. Rajs K. Vo imya natsionalnykh interesov // Pro et Contra. 2000. № 2. S. 103-120.
11. Repeshko E.A. Podkhod NATO k razresheniyu livijskogo krizisa v sobytiyakh «arabskoj vesny» // Vestnik MGIMO-universiteta. 2014. № 1. S. 172-176.
12. Sinyakin I.I. Pravomernost gumanitarnej interventsii: sovremennye mezhdunarodno-pravovye aspekty // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2012. № 10(53). S. 50-58.
13. Sogrin V.V. Amerikanskaya imperiya kak istoricheskij i sovremennij fenomen // Novaya i novejschaya istoriya. 2016. № 3. S. 91-109.
14. Stoun O. Nerasskazannaya istoriya SSHA / O. Stoun, P. Kuznik. M.: Azbuka-Attikus, KoLibri, 2015. 928 s.
15. Utkin A.I. Amerikanskaya imperiya. M.: Eksmo, 2003. 736 s.
16. Kharkevich M.V. Gosudarstva-izgoi i mezhdunarodnoe soobshchestvo // Asimetriya mirovoj sistemy suvereniteta: zony problemnoj gosudarstvennosti. Monografiya / Pod. red. M.V. Ilina, I.V. Kudryashovoj. M.: MGIMO, 2011. S. 48-64.
17. Bacevich A.J. Present at the Re-Creation. A Neoconservative Moves On // Foreign Affairs. 2008. № 4. Vol. 87. P. 125-131.
18. Blum W. American Exceptionalism and US Foreign Policy // Foreign Policy Journal. September 19, 2014 // <http://www.foreignpolicyjournal.com/2014/09/19/american-exceptionalism-and-us-foreign-policy>.
19. Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past // The Dynamics of Soviet Politics / Ed. by P. Cocks, R.V. Daniels, N.W. Heer. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 337-351.
20. Lipset S.M. Political man: the social basis of politics. New York: Doubleday, 1960. 442 p.
21. Luce H.R. The American Century // <http://www.worldcat.org/title/american-century/oclc/560997288>.
22. Malone D. The New Nation. 1841-1877. New York: Appleton-Century Crofts, 1960. 447 p.
23. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 175 p.
24. Ó Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 328 p.
25. Oren I. Our Enemies and US. Cornell: Cornell University Press, 2002. 250 p.
26. Quinn A. U.S. Foreign Policy in Context, National Ideology from W. Bush broad authority to use all necessary and appropriate the Founders to the Bush Doctrine. London, New York: Routledge, 2010. 240 p.
27. Salah Oueslati. U.S. Foreign Policy and the Complex Factors in the Decision-Making Process // Society. 2014. Vol. 51. № 5. P. 472—481.